

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

«Пентатеугум» Андрея Белобоцкого
(Из истории польско-русских литературных связей)

Андрей Христофорович Белобоцкий, польский шляхтич на службе русских государей, появившийся в Москве в феврале 1681 г., сыграл немалую роль в истории русской культуры конца XVII в. Переводчик трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и «Краткой науки» Раймунда Люллия, он был автором весьма популярного оригинального философского сочинения «Великая наука Раймунда Люллия», «Риторики» и «Книги философской»; его «Краткая беседа милости со истиною» была опубликована в числе первых книг Петербургской типографии, а «Пентатеугум» («Пятикнижие») — пожалуй, наиболее значительный памятник русской поэзии в период от Симеона Полоцкого до Кантемира. На основании ряда косвенных данных нами было высказано предположение о тождестве поэта и философа Андрея Белобоцкого и известного по памятникам полемической литературы 80—90-х годов XVII в. «ересеучителя» Яна Белобоцкого.¹

Обнаруженные недавно в ЦГАДА новые документы позволяют существенно расширить круг наших сведений об этом писателе. 14 октября 1682 г. в Посольском приказе Андрей Белобоцкий «в допросе сказал: Породоу де он шляхтич Премышльского повету, отец ево Хриштоп Белобоцкой служил королевскому величеству в полковниках у рейтар, и тому ныне 26 лет отец ево умре. А маетности были у отца ево в Премышльском же повете деревня Пацла. И по смерти отца ево осталась мать ево Андреева да брат меньшей Павел. И вскоре по смерти отца ево и мать умре. А брат ево Павел служил в Варшаве в юристах.² А он де Андрей тому ныне 17 лет выехал ис Польши для научения философских и богословских наук, и был во Французской, во Италиянской, в Гишпанской землех, и тех наук выучился. И тому де ныне третьей год, приехал он из Гишпании в Ригу, а из Риги в Смоленск. А из Смоленска приехал к Москве с смоленским архиепископом Симеоном в прошлом во 189 [1681] году, в феврале месяце, и блаженныя памяти великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия, Малыя и Белья России самодержцу, известил об нем смоленской архи-

¹ А. Х. Горфункель. 1) Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 188—213; 2) «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели. — Сб. «XVIII век», т. 5. Л., 1962, стр. 336—348; 3) Неизвестное издание петровской эпохи. — Сб. «Книга», вып. 6. М., 1962, стр. 123—131.

² На полях: «что за делами ходят и приказны».

епископ. И по его, великого государя, имянному указу жил он у думного дьяка у Лукьяна Голосова с полгоды. А после того жил у протопопа Гавриила. И в прошлом, во 190 [1682] году, когда изволил блаженные памяти великий государь быти в своем государском походе в Володимере, и по его, великого государя, указу из римские веры помазал ево Андрея святым миром во святую православную христианскую веру греческого закона смоленской же митрополит Симеон, а в римской вере было ему, Андрею, имя Иван. И после того по имянному же указу блаженные памяти великого государя приказан был он, Андрей, боярину князю Михаилу Юрьевичу Долгорукова и написан в Разряде по дворянскому списку... А живет он, Андрей, ныне на Москве на дворе смоленского митрополита».³

Допрос состоялся в связи с подачей Белобоцким челобитной об увеличении жалованья. По имеющейся в деле помете, принадлежащей, по видимому, думному дьяку Е. И. Украинцову, велено было допросить челобитчика, «умеет ли он грамоте по-русски и иных которых языков умеет грамоте». «И против сей пометы Андрей Болобцкий сказал, что он грамоте и писать знает, и читает, и писать умеет по-италиянски, по-латине, по-французски и по-польски, также и по-русски читать и писать умеет», в подтверждение чего расписался по-русски, по-латыни, по-французски и по-итальянски.

Через два дня, 16 октября 1682 г., цари Иван и Петр, находившиеся в Троице-Сергиевом монастыре, «указали Андрея Белобоцкого ведать в Посольском приказе, и быть ему в переводчиках тех языков, о которых сказал, что умеет грамоте». В тот же день переводчики приказа Н. Спфарий, Л. Грос, С. Лаврецкий, С. Гладоловский, С. Чижинский и И. Тяшкгорский «свидетельствовали» Белобоцкого в знании иностранных языков, «говорили с ним по-латыне, по-польски, по-французски, а говоря с ним по свидетельству, сказали, что он, Андрей Белобоцкой, по-латине, по-польски, по-французски честь, и писать, и говорить, и переводить умеет и в Посольском приказе тех языков в переводчиках быть ему можно». Приведенный к крестному целованию, Белобоцкий был принят на службу, и по распоряжению князя В. В. Голицына в декабре 1682 г. ему было определено жалованье.⁴

Однако по неизвестным причинам в штате Посольского приказа Белобоцкий так и не состоял: уже в сентябре—ноябре 1683 г. в деле по челобитью переводчиков о выдаче им кормовых денег и годового жалованья имя его не упомянуто, и только в 1686 г. он был привлечен из Разряда для участия в великом посольстве Ф. И. Головина на Китайский рубеж.⁵

Итак, новые документы окончательно подтверждают предположение о том, что еретик Ян Белобоцкий и автор «Великой науки Раймунда Люлия» Андрей Белобоцкий — одно лицо. Нам не удалось проверить сообщаемые Белобоцким в допросе сведения о его происхождении. Отрывочные данные о нескольких ветвях рода шляхтичей Белобоцких—Белоблоцких, имеющиеся в справочниках Урусского и Окольского, ничего не сообщают о перемышльских Белобоцких—Яне (Андрее), его отце Хриштопе и брате Павле.⁶ Поэтому неясный намек в доносе Павла Негребецкого,

³ ЦГАДА, ф. 138, 1682 г., д. 20, лл. 298—305.

⁴ Там же, лл. 358—362.

⁵ ЦГАДА, ф. 138, 1683 г., д. 1.

⁶ Rodzina. Herbarz szlachty Polskiej. Opracowany przez Severina Hrabiego Uruskiego, t. I. Warszawa, 1904, str. 155—156; S. Okolski. Orbis Polonus, t. II. Cracoviae, 1643, str. 199.

ссылавшегося на «Литовские страны иеродиакона Мануила», «иже его, Белободского, знает из малых лет, и чесо ради он нарицается Белободский»,⁷ требует дальнейших изысканий, невозможных без привлечения польских источников.

Очень важны сведения о 15-летнем (с 1665 по 1679 г.) пребывании Белободского в западноевропейских странах, подтверждаемые автобиографическими свидетельствами «Риторики»;⁸ особого внимания в связи с этим заслуживают упоминания о его учебе в «Валисольютинской академии», т. е. в Вальядолидском университете в Испании.

Но более подробное исследование биографии Белободского выходит за рамки настоящего сообщения, цель которого — ознакомить читателя с поэтическим творчеством Белободского — русского поэта.

«Пятикнижие» — «Пентатеугум, или пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека» — главное из дошедших до нас поэтических сочинений Белободского, выдающийся памятник русской поэзии конца XVII в.

Источником первых четырех книг поэмы — «О смерти», «О страшном суде», «О гегене и муках вечных» и «Вечна блаженных слава» — послужили произведения немецких поэтов конца XVI — начала XVII в.: Матвея Радера «Погребальный плач» и «Страшный суд» и Иоганна Нисса «Вечные адские мучения» и «Вечная радость блаженных». Написанные латинскими стихами, эти четыре «оды» были весьма популярны и неоднократно переиздавались на протяжении всего XVII в., как отдельно, так и объединенные под общим названием «О четырех вещах, последующих жизнь человека».⁹

Немецкие стихи на эти же темы, принадлежавшие П. Франку, С. Бахаммеру, Х. Энгельбергеру, если и были знакомы А. Х. Белободскому (он хотя и не говорит в допросе о знании немецкого языка, но, судя по «Риторике», бывал в Бранденбурге и в «нижних немецких землях»), то не оказали на его творчество никакого влияния.

Поэтический перевод Белободского резко отличается от латинского оригинала Радера и Нисса. Белободский ввел рифму, отсутствующую в «одах» немецких поэтов. Он пытался приспособить свой перевод к русским условиям, перевода абстрактные, насыщенные мифологическими ассоциациями и совершенно лишённые конкретного, национального, земного колорита стихи Радера и Нисса не только на русский язык, но и на язык русской действительности.

И в этом он имел предшественника — польского поэта Зигмунта Брудецкого.

Зигмунт Брудецкий (1610—1647), преподаватель математики в Познанской иезуитской коллегии, приобрел известность хорошего знатока древнегреческого и древнееврейского языков. Но славу принесли ему не филологические занятия и не преподавательская деятельность, а обнаруженные после его смерти (он умер рано, 37 лет) в его бумагах и вскоре опубликованные стихи. Это были все те же «Четыре вещи последних» Радера и Нисса, переведенные молодым филологом на польский язык. На протяжении столетия после смерти переводчика они издавались четыре раза: в 1648, 1683, 1739 и 1742 гг.¹⁰

⁷ Д. Цветаев. Памятники к истории протестантизма в России. М., 1880, стр. 214.

⁸ А. Х. Горфункель. Андрей Белободский — поэт и философ..., стр. 196.

⁹ M. Raderus, I. Niess. Quatuor hominis ultima. Monachii, 1688.

¹⁰ Мы пользовались единственным в ленинградских библиотеках экземпляром без указания места и года издания: Cztery rzeczy czlowieku Ostateczne. Od W. O. Mateusza Radera dwie, od W. O. Iana Niesiusza dwie, obudwu Societatis Iesu Káplánow. Po łacinie

Католические поэты-латинисты XVII столетия не в силах были возродить ни «медь торжественной латыни» классической древности, ни пусть примитивную с точки зрения образованного филолога, но преисполненную искреннего чувства поэзию средневековых гимнов, таких, как «Dies irae» и «Stabat mater». Стихотворения Радера и Нисса — скорее книжные упражнения образованных филологов, благочестивые проповеди в стихах, чем подлинно лирические произведения. И дело не только в обилии мифологических образов, не только в холодной выспренной патетике, оборачивающейся пустой риторикой; дело в том, что все образы и предметы реального, земного мира, использованные для описания смерти, страшного суда, адских мучений, райского блаженства, оказались в их стихах начисто лишены конкретной, бытовой определенности, превратились в ничего не говорящие, выхолощенные, абстрактные символы.

В переводе Зигмунта Брудецкого мы встречаемся с совершенно новой системой поэтических образов. Связанные с земными ассоциациями, с бытовыми чертами и социальными конфликтами польской действительности XVII в., трагические раздумья о смерти и страшном суде, об аде и рае оказывались преисполненными подлинного, искреннего пафоса.

Разумеется, Брудецкий ни на шаг не отступил от религиозных идей и представлений, лежавших в основе переведенных им произведений. Он — верующий католик, не выходящий за рамки традиционного мирозерцания. Но стихи его — отнюдь не просто иллюстрация к богословским трактатам и проповедям (а именно в качестве подобных иллюстраций перепечатывались стихи Радера и Нисса в приложениях к изданиям сочинений Франсуа Костера). Используя привычную и знакомую всем современникам систему библейских образов, заимствуя евангельские выражения, он создал глубоко эмоциональное, самостоятельное произведение, значительно превосходящее по своим поэтическим достоинствам латинский оригинал. Образы польской природы, бытовые детали, современники — холопы и паны, ксендзы и шляхта — заполнили строфы поэмы, белый латинский стих сменился польским рифмованным силлабическим стихом.

Все это воспринял и развил дальше, применив уже к русскому языку и к русской действительности, Андрей Белобоцкий, создав свое «творение на русском диалекте». Так, используя традиционные сюжеты, всякий раз по-новому трактовали их иконописцы, — так на один и тот же средневековый текст создавали «Реквиемы» композиторы XVIII—XIX вв.

Связь «Пятикнижия» Белобоцкого с польским переводом Брудецкого прослеживается легко. Дело не только в частых полонизмах русского текста, легко объясняемых польским происхождением поэта; Белобоцкий использует образы и выражения стихов Брудецкого, отсутствующие в латинском оригинале (так, в 3-й строфе первой книги «dumy ptaszatek» Брудецкого Белобоцкий переводит «думы птиц, сладко поющих»; «жестоких царей» Нисса он вслед за польским поэтом — «Biádá Pánom!» — превращает в «господ жестоких» и т. д.). Вслед за Брудецким употребляет он и перекрестную рифму.

Однако, идя по пути, проложенному Брудецким, Белобоцкий не повторяет его; его перевод достаточно свободен и оригинален не только по отношению к латинскому, но и по отношению к польскому тексту. Белобоцкий, как мы уже отмечали,¹¹ широко использует в своей поэме русские реалии и отказывается от специфически польских деталей, имеющих

optakáne opisane. Rythmami: Polskiemu od X. Zygmunta Brudeckiego tegoż zakonu wyrażone; ср.: Polski słownik Biograficzny, t. III. Kraków, 1937, str. 4—5.

¹¹ А. Х. Горфункель. Андрей Белобоцкий — поэт и философ., стр. 205.

в тексте Брудецкого (например, 44-я строфа третьей книги — «Rownie Włochom jak Polakom», 49-я строфа третьей книги — «Lubo z Niemiec, lub Greckim», 6-я строфа четвертой книги — «Już i Tatrow ne stáie», и т. п.). В нужных ему случаях он обращается и к латинскому оригиналу и использует детали, отсутствующие в переводе Брудецкого. А еще чаще он создает свои, оригинальные образы, отсутствующие как в латинском, так и в польском тексте поэмы; такова «огненная лоза» в 3-й строфе второй книги, сравнение адского огня с огнем на железных заводах в 24-й строфе третьей книги и др.

Все сказанное в полной мере относится и к пятой книге «Пентатеугума» Белобоцкого. Ее источником, как теперь удалось установить, является поэма Якоба Бальде (1604—1668) «О суете мира», написанная на латинском и немецком языках и выдержавшая 15 изданий.¹² На польский язык она в XVII в. переводилась дважды: в 1547 г. был издан перевод Яна Либицкого, в 1682 г. — анонимный, возможно принадлежащий тому же Брудецкому.¹³ Нам не удалось установить, каким переводом пользовался Белобоцкий; из огромной (в 100 строф) поэмы Бальде он перевел только 30 строф.

«Пятикнижие» Андрея Белобоцкого публикуется нами по единственному пока известному списку, хранящемуся в Отделе рукописей ГИМ (собр. Уварова, № 472 (268), лл. 348—362 об., по старой пагинации — лл. 355—359 об.). В этой же рукописи конца XVII в. в 4-ю долю листа переписаны сочинения по риторике, в том числе и «Риторика» Белобоцкого. От предположения, что «Пентатеугум» переписан автором, нам приходится отказаться после ознакомления с автографами Белобоцкого в материалах Посольского приказа и с рукописью «Исповедания веры». Во всяком случае переписчик был хорошо знаком с творчеством Белобоцкого — его же рукой очень тщательно переписаны «Великая наука Раймунда Люллия» и «Риторика» в рукописи собр. Уварова № 18 (в 8-ю долю листа).

При передаче текста мы руководствовались принятыми правилами публикации памятников древнерусской литературы. Несомненные описки и ошибки оговорены в примечаниях, так же как и оставшиеся нерасшифрованными места; «ѣ» сохранен в рифмующихся словах; при печатании текста сохранены имеющиеся в рукописи ударения.

¹² Jacobi Balde. De vanitate mundi. Monachii, 1638.

¹³ I. A. Załuski. Bibliotheca poetarum polonorum, qui patrio sermone scripserunt. [Warsawiae, 1750], str. 1; Polski Słownik Biograficzny, t. III. Kraków, 1937, str. 4—5; Sen żywota ludzkiego, Wierszem Łacińskim przez W. O. Jakuba Balde . . . napisany, a przez Jana Libickiego Sekretarzá I. K. M. Rhythмами Polskimi wyrażony. W Krakowie, w drukárni F. Cezárego, 1647.

ПЕНТАТЕУГУМ

или пять книг кратких творения **Андрея Бялобоцкаго**, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека. Первая книга о смерти. Другая книга о страшном суде божиим. Третья книга о гегене и муках адских. Четвертая книга о вечней славе блаженных. Пятая книга о суете мира, нареченная **Сон жизни человеческия**

Первая книга о смерти

Творения **Андрея Бялобоцкаго**. Дума смертная

О смерти, горька ти есть, память человеку мирну,
во имени его живущу.

Иисус Сирах, глава 41¹

Песнь 1

О светлейше злата солнце, луно, чиста паче сребра,
Смерть блискую слышит сердце, мне умерети, вам жизнь добра.
Два светила в день и ноци, ваш век старости не знает.
Нам сон смерти лезет в очи, старых и молодых стращает.

2

Звезды на небе свѣтите, планеты кругом ходите,
Сестры Плеяды, простите, дождь нам в жарах посылайте.
Кастор и Полюкс, ваша милость явна по морю плывущим.
Нам не поможет звезд ясность, с кораблем жизни тонущим.

3

Луги, травки, цветки, рощи, поля, горы, винограды,
Земля и деревес овощи, огороды, лѣсы, сады,
Источники хрустальных вод, думы птиц сладко поющих,
Жизни нашей кончится год, простите умирающих.

4

Вся живуща, бог вам в помощь, и вы, животных начала,
Овладела мною немощь, смерть мя на он свет позвала.
Вся тварь под небесным кругом, в местах своих движимая,
А ныне во веки богом буди хранимая.

5

Смерть лютая, смерть горькая стрелу острит и лук тягнет.
Хощу, не хощу, сильная скоро мя к себе потягнет.
Ни прозьбою, ни гротьбою задить с нею не мощно,
Дар не емлет, но косою сечет, грабит безконечно.

6

Скоро в двѣри постучится, прощайся с своим животом.
Егда умрешь, престанешь ся друзьям нарицати братом.
Оле, в далекой путь идеши, а запасу тебе мало,
Деньги тамо не внесеши, одно дело ти остало.

¹ Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, гл. 41, стих 1.

7

Лице, что воск растопится, яснее очи помрачают,
 Дух твой в горе затворится, язык, уста обнемлют.
 Спадет с лица краска, жилы крови ей лишатся,
 Обледѣшь, брате милый, егда тѣ Харон явится.

8

Тверда будет постель главѣ, мила, что соль кому в очи,
 Рекут друзья прежде в славѣ, ну, мертвече, в темне ноци.
 Днесь до лица земли челом всяк биет твоей милости,
 Утро ляжешь под полом, в сердце их неблагодарности.

9

Смрадом своим всех отгонишь, заткнув нос и уста себѣ.
 Приятства их не преклонишь, отвратяся рекут тебѣ:
 Прочь з палаты, ну, вон з двора, почто мертвѣца держати,
 Се изнил, хоронить пора, час ему в земли почивати.

л. 349

10

Едва з тебе дух изыдет, в темну могилу тѣ кинут.
 Плач и рыдание пойдет, жена и дети покинут.
 Схронивши тело в земли, вечная память пропѣвши,
 За обедом приближенни смеются, тебе забывши.

11

В гробе твоём вся гадина, черви, мыши с легушками,
 Жити будут, господине, караулить, змей с ужами.
 Каков двор твой и дворяне, роты, полки кругом тебе,
 Приготовуй им жалованье, дай в пищу самого себе.

12

Черно платие кручину, потужил год, сродник скинет.
 По себе справит отчину, жена за другого выдет.
 Душу твою поминати по церквям иным прикажут,
 И сами ся прохладати твоими добрами будут.

13

Не прошел год, твоя милость уже в прах ся обратила,
 Всяк спрашает, чья то кость лежит, едва не вся згнила.
 Тьмы в очах глубокия, мозг расплылся головою,
 Ребра изсохли голыя, попираются ногою.

14

Неизвестный день послѣдний, кто з нас об нем угадает.
 Стучит смерть, человек бѣдный горько жизнь свою кончает.
 Старых, младых без разбору, кто попадет, восхищает,
 Отобравши скипетр, царю просту палку в ружье дает.

15

Жил еси в палатах честных, в темней тюрьме поживеши.
 Заболит бок от стен тѣсных, смрадные чаши спиеши.

л. 349 об.

Бо́ярин крести́анину, ца́рь холо́пу ра́вни бу́дут,
Зла́тая риза́ в холсти́ну пре́менится, че́сти збу́дет.

16

Ко́му добра́ остану́тся по́сле тебе́, не вѣдаешь.
Кто́ на престо́л тво́й вса́дится, сын или стра́нный, не зна́ешь.
Се́ла, го́роды и крѣ́пости и стены́ паду́т каменне́,
Не остану́т то́кмо кости́ с плоти́ тебе́ обнаже́нне.

17

Сме́рть, яко та́тъ и разбо́йник, с ти́ха кра́дется до те́бе,
Вя́жет веревку́ с крѣ́пких лы́к, притя́гнет тя́ си́льно к себѣ́.
По́рчь смесивши, пи́ть ти́ дае́т, утробу́ ти́ прегрыза́ет,
Мысль, стра́х за́ сердце хвата́ет, душу́ с те́лом разлуча́ет.

18

Лежи́ убо на се́м коврѣ́ не жди́ от на́с челобити́я,
Яко в оча́х, в сердцу́ ра́внѣ́ па́мять тво́я пре́менится.
Все́ при́ятство, вся́ка дру́жба, в гроб́ с тобо́ю поло́женна.
Вла́сть господня́, рабо́в служба́ на ве́к ве́чный отло́женна.

19

Мо́рщишь чело́, дуе́шь гу́бы, у́ши, пе́рсты затыка́ешь,
Косо́ смо́тришь, скреже́шь зу́бы, лице́ наза́д отвраща́ешь.
Вскуе́ хари́ не збраса́ешь, лице́ краси́шь, самолю́бче,
Или́ удо́б ты́ не зна́ешь, иже си́це адско́й му́це.

20

Мо́жет се́й день бы́ти коне́ц, а ты́ не ради́шь о себѣ́,
Добродете́ль все́му вѣ́нец, святы́м пригото́ван в небе́.
Мно́зи внеза́пу помро́ша, и днесь́ е́ще помира́ют,
Пе́рво солнца́ западо́ша, иже сто лет ожида́ют.

21

л. 350

Хо́щешь не устраши́тися сме́рти, бу́ди гото́в к бо́ю,
Бди́, сто́й крѣ́пко, не лѣ́нися, жди́ ея́ дне́м и но́чью,
Усмо́трена лекша́ ра́на, не вдру́г тебѣ́ сме́рть прегло́тит,
Сло́млет стрѣ́лу ока́нна, ю́же в кро́ви тво́ей смочи́т.

22

Зме́ни всю́ тва́рь яко бла́то, творя́ любя, а не грѣ́ши,
Отда́ждь за ме́дь чи́сте зла́то, стокра́тну мзду́ обрѣ́таеши,
Охо́тно рабо́тай бо́гу, ма́ла ти́ бу́дет запла́та,
Егда́ ста́нет на поро́гу сме́рть, а душа́ с те́ла взя́та.

23

Те́мных гробо́в влады́ице, могиля́нно жи́зни в разса́^а
Кто́ тя сла́вил, зме́нил лице́, сме́ртней вру́ченно́й прока́зѣ.
Кто́ написа́л, кто́ слуша́ет, и кто́ чте́т, сме́рти к себѣ́ жде́т.
Все́х нога́ми попира́ет, все́х на́с, яко тра́ву, сме́рть жне́т.

^а Так в ркп.

Книга вторая. О страшном суде Божиим
Творения Андрея Белобоцкого

Близ день господень великий. Близ и скор зело.
Глас дне господня горек, иже стон учинися. Силен
день гнева, день мой, день скорбен и беден, день
безгодия и исчезения, день тьмы и мрака, день
облака и мглы, день трубы и клича.

Софония, глава 33²

Песнь 1

Сюды, сюды поспешайте, монархове мира сего.
Песней моих послушайте, власть чина церковнаго.
Цари, князи с боярами, вельможа купно с рабами,
Усопши и ту з нами, живущии изгнанцами.

2

Сердце дрожит, мысль ся мутит, язык слово пресквает,
Страх утробу мою мучит, дух ся в горле запирает,
Смехи, потехи, радости, прочь от мене побегайте,
Жилы ся рвут, сохнут кости, очи, слезы изливайте.

л 350 об.

3

Где посмотрю, везде гроза, страх, болесь, замешание,
Огненная стоит лоза, на грешных наказание.
Планыты, звезды погасли, солнце, луна помрачели,
Ветры вольны страшне стали, трусы пропасть сотворили.

4

Кипит море, камень дикий крушится, дивно пответ,
Крик, вопль и шум превеликий, и небесна твердь ся хвет.
Падет мир в гору ногами, претворился с городами,
Остаток згорет с нами, живущими мертвецами.

5

Молчание в мире стает, в пепел созженным до кола,
Ночь темна от моря встает, не звонят нам колокола.
Птица не поет, конь не ржет, лев и бык не рычат,
Пес, волк не выет, не ревет медведь, барашек не бечит.

6

Темных гробов владычица досель дань за умерших брала,
Всем живущим ненавистница, люто в мире царствовала.
З могил гробы, з гробов кости, выбрасала та богиня,
Ложна без всея милости сокращала нам жизни дни.

7

После того страшни трубы голос во уши наши входит,
Алт высокий и бас грубый по всей земли ся расходит.
Востайте на суд вси живии с усобшими, повешает.
Идет правый судий славы, ангел гробы отверзает.

² Книга пророка Софонии, гл 1, стихи 14—16 (в окп. ошибочно 33).

8

а. 357
 Ту чудеса страшно вельми начинають ся творити,
 Трус встаёт по всей землі, болѣсть учнёт находѣти.
 Носяще в чреве рождають в болѣстях чада неживе,
 Телѣ к костям присыхают, сны страшяють проказливе.

9

У одного лоб великий, рот страшный, назад скривлённый,
 Той ся родил, что зверь дикий, ов в чувствах несовершенный.
 Един лицем благобланный, звѣзды свѣтят в очѣх его.
 Другий яко солнце свѣтлый, не имеет подобнаго.

10

После врата отверзають и запоры небесныя,
 Стройне роты выступают на хоры пределённые.
 Хочешь число воинов знати, в одним полку сто тысящи,
 Богатырев сильных роты, святым Божиим в помощи.

11

Знамя несёт воинственно сам знаменщик именитый,
 Знаме честно и спасёное, на котóром бог розпятый.
 Рог его смѣрть убодли, побеждена умре сама,
 Ад стиснули, души ж извели, попра́н оними сатана.

12

Судий в гнѣве, ярости, на престол судный садится.
 Твёрдь небесна аки трости тресётся, земля потится.
 Осуждены места ищет, рад бы быти под землею,
 На очнѣ ставку не хощет, пред прегнёвным судиею.

13

Но всем нѣжда, вси явятся в лице на сем смотрѣ страшным,
 Праведники становятся близ судий сердцем смѣлым.
 Во твердей а́да пропасти дрожат духи проклятии,
 От Ада́млы плóти кости стоят внуки рождѣннии.

14

Плóть трепещёт, сердце тлѣет, рвутся жи́лы, сохнут кости,
 Бог сыщиков посылает, розыскивать тайне зло́сти.
 Вся подро́бну разбирают, мысли, словеса и дела́,
 Мзду такую воздовают, како богу служба была́.

15

а. 357 об.

Указ даны от безбожных праведники отлучати.
 Идет полк духов безплотных, всех судимых собирать.
 По указу скоро творят войны царя небеснаго,
 Одесную того ставят, а ошуюю друго́го.

16

Крик по горам, гром ходится, плач великой, рыдание.
 Всякой направо тиснетя, но трудно припущение.

В злѣтых ризѣх не пускают, кто в сермяги, той возванный,
Козлов смрадных отганяют, тихия емлют бараны.

17

Оле, зри лице страшное, одеяние лютое,
Доныне невиданное, мрака смертна страшнейшее.
Идут сынове щасливи, с радостию в жизнь вѣчную,
А отцове нещасливи идут во тьму кромешную.

18

Паки отец в небо идет, сына злаго во ад отдает.
Муж яко звезда яснеет, жена с козлы пребывает.
Противне жена с звѣздами, муж стоит между козлами,
Разводу с горькими слезами творится между супругами.

19

Сродник не причитается слavnым никогда сродником,
Брат с сестрою не делится отчинами вовек вѣком.
То же сестра слез братерных и сестр своих не слушает,
З слез по смерти проливаных смех и гнев святым бывает.

20

Видя роздел между собою, добрии и лукавии
Поклонятся пред судиею, к славе вѣчной избраннии,
Грехотворцы, увы, горе, горе, нам заревут.
Праведники пойдут в горе, внизу грешники останут.

21

Едва одно слово речет судия в гневе ярости —
От страха мир затрепещет, задрожит от жестокости.
Иулий царь мечем славний, с Юлианом розбачают
И свет в он день опасный, а грешники что дѣлают.

л. 352

22

Но судия обнадежит, святых своих в усумнении.
Слово ласкаво испустих о их вечном спасении.
К тому в небе показывает обещанным радости,
Которых им завидует послан в адский темности.

23

Посем влево посмотривши, на злых рабов непотребных,
Яко гром слово спустивши, творит указ о безбожных.
Черво^б земли отворися, пожри сердца каменные,
Юдоль пропасти стечитесь, идите в муки вѣчныя.

24

Аз алках, вы пировали, просил у вас милостыни,
Вы же ми отказывали, не дали хлеба крошины.
Но ваш голод отъмвнной был, людей, что хлеб, снесите цѣло,
Алчи вечно, кто тако жил, такова мзда, яко дѣло.

^б Испр.; в ркп. ошибочно Древо.

25

Чреву естé рабóтали, с брjохом хóдя, чтó с бочкою,
Нjищих слóвом отбывáли, обтягчáли рабóтою,
Ежé летjт, плывёт, ходjт, в брjохо ваше всё входjло.
Ужé постj чáс приходjт, чревó ся вáм вычjстило.

26

В пóтех, в жарáх, чтó в днj жáтвы просjл у вáс охолоды.
Не помнjли естé клятвы, не дáли ми кáпле воды.
Изсóхл во мнé язjк с бóлем, вы в медj, в винé плавáли,
Тём же сóхните с Танталём, емуже послjдовали.

27

Вы Бáхуса сjще внjки, чáши, крушкi выпивáли,
Дjшком пjти ваша штjки, дáже бóчки пjсты стáли.
Жáждет Лázарь, не пóнте, сáми жáрку смóлу пейте.
Мóре пjти возжаждáете, в котлé жáрени бjдете.

л. 352 об.

28

Аз в морозáх нáго ходjл, дрожáх у вáс под окнáми,
Одéжды на мj не положjл, никтó не покрьл шjбами.
Стjжа трéсла зjбы, кóсти, погрéтися не пустjли,
Смéх вáм бjсть з моёй нáгости, в леднjке бjдете жjли.

29

Вы плáтие сундукáми дéлали всеми годáми,
Шубj, шубкi с соболями, гроностáйны^а з огонькáми,
Рьсьих, лисьих, белjх мнóго, мнé нé дали и овчинj.
Дрожjте, ходjте нагó, не дáм вáм и рогозjны.

30

Седjх в тjорьме, глáвы моёй безвjнно врáзи искáша.
Сирóте по мóщи своёй пóмощи в сjде не дáша.
Ктó посéтил, ктó потjшил лютjй нарóд без милóсти
Пóйдут в тюрьмj, чáс приспjшил, не мjнут мук жестóкости.

31

Хвóры, скорбнj лежáх, гóрько печáль болéсть умножáла,
Не помóгла мj их рукá, рáн моjх не привязáла.
Пáл есмь, сjлы ми не стáло, всj отрекóшася менé,
Горj ж им, с душею тjло, лежjте вéчно в гегéне.

32

Не мóгл есj лекарствáми скóрби моёй облехчjти,
Мóжно бjло словесáми печáльнаго потjшити.
Но тj мимó менé прешёл, óчи своj отвратjвши,
Идj, где фарисей пошёл немилостjвой погjбши.

^а Так в ркп.

33

В мѣлких дѡмах ¹ равна ми честь, под крѡвлю не припушѣнный.
 В дѡм богáтой гость пришѣлецъ в шью з двора выбиѣнный.
 Не обретѡх где склонити главу мою, злá гра идѣт,
 Шахом небо хошѣшъ взяти, мѡт ти скѡро в áде бѹдетъ.

л. 353

34

Странных, бедных, утомленных с пѹти в твоѣ дѡм приходѣщих
 Изгнал еси посрамленных, мѣста у тебѣ просѣщих.
 Ты на мяжком пуховнику лежал, а они не спали.
 Полежишь в бѹдущем вѣку в áде, они в небе стали.

35

В áд, в áд и вы, прелестники, душ беззлыхных обманщѣики,
 Клевѣтники и ушники, хитрым сиронам сродники.
 Вы своими хитростями многых неба отлучили,
 Пропадайте с лукавствами, гиньте яко есте жили.

36

И вы, тати, разбойники, девичества разстлители,
 Малакейчики, блудники, чужых добр грабители,
 Садитесь на ожги огненные в пѣчь горящу,
 Сломятся вам тамо роги, мир мой от скверны очищу.

37

Збор проклятой с кумирами, змеев, кошек с лягушками,
 С камением, с древесами, в пропасть со всеми чортами,
 Врази богу истинному, противники вѣрѣ его,
 К змею идите адскому, раби духа лукаваго.

38

И вы, правде противники, в церкви святей раскольники,
 В тихом мире бунтовщѣики, в муках живите, вовѣки,
 Суща совесть вам являет, грехи ваши обличает,
 Суд истинна на вас дает, на смерть вѣчну осуждает.

39

О указе страшный, больнѣй, ах ти, идут обвиненни,
 Идут тамо, где век вѣчный, живут в огненном пламени,
 Дышит едко ада окно, з громом пожар выпадает,
 Тамо ему жити вѣчно, кто ся о грѣхах не кает.

л. 353 об.

40

О сих вещах поучают письмом, слово, но безстрашни
 В ум свой того не внимают, слушают яко бы басни.
 Ядят, пьют, грехи плодят, но в кратце по сей радости
 В мгнѣнии ока в ад исходят, в вѣчной гегенней тѣмности.

¹ Испр.; в ркп. дотах.

Книга третья. Творения Андрея Бялобоцкого
О гегене и муках вечных

Кто совестник вам яко огонь горит,
кто совестник вам, место вечное.

Исайя, глава 33³

Песнь 1

Розжмі, адэ, рот собачый, покажи страсти гегенны.
Цербэре, з нуры выскочи, троезубний псе б'ясенный.
Время злости мира сего явит и наказание,
Где человека гр'бшнаго з демоны обитание.

2

Вск'е перо не дв'ижется, м'ысль с'я боит, ум с'я мутит,
Муза п'омощи ленится, рук'а дрожит, яз'ык молчит.
По державе страх ходити Екады троеглавныя,
В тюрьма'х, в муках страх смотреть, жильцо'в гегенны в'чныя.

3

Под лавою в аде спрятан, изыде, Анокреоне,
Муки, им же еси предан, всему миру скажи явн'е.
Аще звязан и прикован, изыти к нам не можеша,
За грехи тако наказан, плачи сам, а нас не т'ши.

4

Ворота с'я отвера'ют, до неприступней крепости.
Т'му кромечную явля'ют пропасть безд'енную страсти.
Печи и ледники, и к'рюки, аще бы у ворот не были,
Проклятием и безруки сам'и бы с'я затворили.

л. 354

5

У ворот гостей стречают ведьмы, ада сторожнице,
Людей, кот'орых ласкают, с телом и душею жраще.
Злату чашу т'и пода'ют, но в чаше порчь растворена,
Прикуси'л кт'о, хвата'ют, садят в лодку Ахерона.

6

Т'у с'я гордо'сть надыма'ет, Купидин⁴ з лука стреляет,
Т'у с'я богач прохлажда'ет, гнев огнем с'я разжигает,
Т'у зависть сама гризе'тся, рвется дружба лицемирна,
Сваволя в нечести см'вется, л'ожь отцу б'есу покорна.

7

Сила грабит, скупость с'я жмет, подай, кричит, бр'ух не сыты,
Резвость скачет, л'еность тл'вет, молчат от боязни шу'ты.
Упрямство стоит на ногах, ломлет закон и уставы,
Караулы при порогах, б'еси душам их приставы.

³ Книга пророка Исайи, гл. 33, стих 14.

⁴ Так в рпк.

8

Мегери стра́шне прока́зы с кимера́ми поскаку́ют,
 Ка́зни бо́жия ука́зы осужде́нным показу́ют.
 О ели́цы о́браз кра́сний ли́ца бо́га наивы́шша́го
 В о́гнь бе́си броса́ют вѣ́чный чело́века неща́стного.

9

Ржа́ве крѣ́ки заскрипѣ́ли, пеще́ри ся отве́рают.
 Все́ мерзостии зашумѣ́ли, е́же в про́пасть сплы́вают.
 Я́ко небо́ дале́кое от зе́мли е́сть в вы́сокости,
 Та́ко ада́ глубо́кое окно́ к безде́нней про́пасти.

10

В се́й ро́в глубо́кой и темны́й грехотво́рцы изыдо́ша,
 И́же что скот́ невздо́ржний греха́ми ся упива́ша,
 В нечи́стостях, в греха́х зло́стях ле́жа без покая́ния,
 Ско́нчаху́ся в неправи́стиях лиши́лися спасе́ния.

л. 354 о.

11

Гре́ки и ри́мляне дре́вни, ба́сней ва́ших не сказа́йте.
 Пра́вдою живѣ́мы вѣ́рни, и́стинных де́л послу́шайте.
 А́ще бы́х сто́ уст язы́ков имѣ́л и го́лос желе́зный,
 О́дныя му́ки чело́веков не мо́гл бы́м сказа́ть ужа́сни.

12

У поро́га хитри ста́ли о дву́х тела́х, се́дми гла́вах,
 Зу́бы на на́с заостри́ли стра́шне прока́зы в соста́вах.
 Пала́чове стра́сти му́ки сме́рть лю́тую пове́щают,
 Жгу́т о́гнем, рву́т те́ло в шту́ки, му́чат, крича́т, убива́ют.

13

Шумя́т, гремя́т пы́ток збо́ры, вере́вки, це́пи, вери́ги,
 Кну́ты, пи́лы и то́поры, но́жи, мечи́, ко́ла, круги́и,
 О́стрѣ дре́ва, висельни́це, кипя́т ко́тлы, смо́лу лью́т,
 О́дны́х тя́гнут, рву́т по шту́ке, инны́х в вода́х пото́пляют.

14

О ужа́сна пре́мѣнности, бо́ль, пла́ч и́дет по ра́дости,
 Не оста́ло живо́й ко́сти от тя́жких му́к жесто́кости.
 Пе́рлы, зла́то их не кра́сит, слуѓ мно́жество отступило́,
 Бога́тый ся не возно́сит, ничто́же от поте́х мило́.

15

Цепоч́ка на шѣ́и ужи́, зме́й под горло́м ожере́лье,
 На спи́не гря́зны ро́гожи, га́д разли́чный по все́м тѣ́лѣ.
 Чю́ства вельми́ змени́шася, от приро́дных до́броты,
 Я́ко ° тве́рд мрамор ста́лися, ни до че́го весть охоты́.

16

Те́м же ско́ро их приста́вы мра́чнии при́мрут в дво́р са́таны,
 Взгля́нет на ни́х бе́с лука́вый, стра́шным ли́цем загни́ваны.

л. 355

° В ркп. инициал Я пропущен.

Тогда́ стра́х, отча́йние, збежа́ть отту́ду не́ мощно.
В щёлы смóтрят, но тща́ние всу́е, ту́ им жи́ти вѣчно.

17

Окно́м з ямы́ скры́ выхо́дят, дно́ пучи́ны о́гненное,
Гре́мит стрельба́, пу́ле летя́т, шу́м, дым под небо́ самое,
А в про́пасти во́плъ престра́шный, пещеры́ ся выскри́ли,
С печи́ едны́ о́гнь ужа́сный, пожа́ри ся умно́жили.

18

О мо́й боже, ка́ко кипи́т в огню́ глубо́ка пучи́на.
В одно́ ме́сто жа́р ся ко́пит, се́ра, смола́, изве́сть, глина́.
Где́ ни по́йдешь, вездé то́шно, беда́, горе, сло́в не стаёт,
Вся́ описа́ть несть ми́ мощно́, в разу́м ся на́м не вмѣщает.

19

Что́ ся верти́шь, чего́ стои́шь, челове́че ока́йнный,
Про́звыбы к богу́ всу́е вно́сишь, уже́ еси́ осужде́нный,
Взгля́ни на низ́ окно́м себѣ́, отворе́нным в про́пасти,
Присмотри́ся, та́ жде́т тебѣ́ в преисподне́й глубóкости.

20

Лети́ в до́л лбо́м, нечестивый, ле́ти, зако́нопреступче,
Не изыде́шь, доко́ль живи́й, отту́ду, иди́й, грешни́че.
Две́ри замко́м затворе́нныи, не избежи́шь, не вы́лезешь,
Клю́чи в мо́ре суть бро́шенныи, тюрмы́ зубы́ не прегрызе́шь.

21

Ели́це зла́ з о́блак го́рных земли́ мо́жет ся случи́ти,
Или́ от пото́пов во́дных бе́д, убы́тков умно́жити,
Неприме́рно вѣще́ того́ исполнѣ́тся а́д бѣ́дами,
Вся́ изы́дут на грѣ́шнаго челове́ка з дѣ́монами.

22

л. 355 об.

Те́мна, ве́чна но́чь востаёт, солнце́ з да́лека обхо́дит,
Тума́н мра́чный а́д сполня́ет, дым в оча́х бо́лести роди́т.
Прокáз стра́шных умно́жится, жи́льцы́ убо́ подземни́и
Са́ми в мра́к, в дым претворя́тся, вси́ в аде́ заключе́нни.

23

Аще́ огня́ мно́го зѣло́, круго́м горшко́в под котла́ми,
Не све́тит та́мо нимáло, то́кмо жре́т те́ло с душа́ми.
Пожáр вели́к, аще́ лѣ́су ску́дость, са́ми тюремщи́ки
За дрóва себе́ даю́т бѣ́су, горя́т во а́де во́вѣки.

24

Кий́ кипари́с, санда́л черны́й, тако́вой пла́мень воздаёт,
На заво́дах та́ко стра́шный желе́зных огонь не бывáет.
Кладу́т в сто́пы ле́с живу́щий, дре́во на дре́во па́дает,
Горя́т ве́чно, а горя́щий в পে́лел ся не превра́щает.

25

Смущающим бесом радость в аде мучимых сорити.
 Всяк соседу творит пакость, не могут на ся смотрити,
 Рвут ся, дерут и кусают, ранами ся уязвляют,
 Беси з угла поглядуют, з драки ся их улыбают.

26

Мимо рота Танталови плывут яблока алчнему,
 Труд напрасной Сизифови, в гору камень движущему.
 Корш одному сердце клюёт, змей глотает. Прочь с баснями.
 Поарон * кто ту не имбет, мала вещь между муками.

27

Иже бывши христиане, не жили благочестивнѣ,
 Но по делам, бисурмане, не служили Христу вѣрнѣ.
 Очистившеся тайнами пресвятыми, согрѣшили,
 Стязаются ту язвами, яко в жизни заслужили.

28

Славный богач в письме святых, ежедневно пируючи,
 Псов кормит под столом своим, алчет, Лазаря крошек ждущи.
 Сей вельможа ныне просит в жажде своей капле воды,
 Огонь утробу его сушит, не дадут ему охолоды.

л. 356

29

Язык яко пс высунул, назад в рот втянуть не может.
 Э ада кто когда выплынул, вечно в муках изнеможет.
 Иглою не заколеси в тело, где бы боль не мучил,
 Жылки здравыя не изыщеша, кости и волосы змякчил.

30

Светло светяще искрами алмазными очи наше,
 Катящиеся крузечками, всех зерн земчужных чистыше.
 Место красных кринов, цвѣтков и лица благолѣпнаго,
 Увидят адских арапов царствия преисподнаго.

31

Ушам гроза от львов рыка, от всех сторон изданнаго.
 Ревет медведь. Та музыка не тешит осужденнаго.
 Комедия Орфеуса уже ся в аде скончали.
 Потешники злаго бѣса в свои суремки заграли.

32

В рот им лиют место вина кисель дехтяной довольно,
 В горле гнездится гадина, ужом ходить вездѣ вольно.
 Порчь сподобие подливка на их преславней пирушке.
 Черво мышей им закуска, черви, пауки, легушки.

* Так в ркп.

33

Розду́ло но́с ню́хание смра́да от стёрва гнила́го,
Заняло́ся дыха́ние, во́здух зарази́лся с него́.
Что́ балса́мы прегрѣ́шили, ма́сла, духи́ благово́ние,
Се́ра, смола́ исправи́ли, розжигáние угле́ние.

34

л. 356 об.

Мѣсто о́дра слоно́ваго престра́шна кузни́ца данá,
Вы́нята с те́ла грѣ́шнаго, на нём душа́ привя́зана.
Не в три́ плѣти ту́ стяга́ют, но сто ло́мят молота́ми,
Би́ющ и битый́ уста́ют, о́ба му́чатся бѣ́дами.

35

Зби́тень с тельны́м в пра́су кладу́т, котлы́ и з смо́лою кипѣ́ют,
Огня́, жа́ру прибавля́ют, те́lesa с душа́ми ва́рят.
Рожно́в мно́го и сковоро́д, ба́нь, печѣ́й розже́нных,
Бри́тов остро́ых, кипя́щих во́д, жи́р плывѣ́т, что з ла́вок мясных.

36

Та́ко збиты́и сто́лчени, зрѣ́зани и розру́блени,
В своём жи́ру выпраже́нни, во а́де лежа́т осужде́нни.
О са́н тя́жкой живо́ зже́нных мертве́цов неизрече́нно,
Па́ки живу́т в му́ках вѣ́чных, гловня́м га́снуть запре́щѣнно.

37

Слышите́ ли беззакóнни, ве́даю, и́же слы́шите,
Обáче же ока́йни, в гря́зи грехо́вней лежи́те.
Па́че оби́ду творите́, земл́и и небу́ само́му,
По зе́мли в греха́х ходи́те, недру́зья ва́с спаса́вшему.

38

Го́ре руце́м кризмова́ным, плешáм на гла́ве стриже́нным,
В чы́н свяще́нско́й посвеще́нным, но на душе́ своей́ скве́рным.
Жѣ́ртвы бо́гу безкро́вныя в греха́х сме́ртных принося́щим,
Са́ми же́ртвы бѣ́совския, в да́р по́слуются в а́де су́щим.

39

л. 357

Го́ре господа́м жесто́ким, ра́б своих́ утесня́ющим,
Насле́дием недово́льным, зе́млю к земл́и прибавля́ющим,
Вси в ге́гене му́чими, в одной́ то́чке умѣ́стятся,
Аще́ в ми́ру умно́женни, песку́ морску́ уравни́тся.

40

Го́ре осудчи́ком вла́сти, царѣ́й, чиновъ предложѣ́нных,
Непоко́рным в вы́шшей че́сти правителе́м де́л дома́шних.
Вло́жит на нихъ це́пь тяжкую́ Промофе́й кре́пко сковáвши,
Буду́т покóрни ну́ждою си́льному в ге́гене ба́ши.

41

Го́ре гладки́м лица́м женски́м, душа́м, сердца́м, надежа́м,
Гордя́щимся, я́ко павли́н хвóстом, в прельще́ние мужа́м.

В крѣслах ѳгненных их милость сѣдет, слуги кругом станут,
Ради служить во всю вѣчность, огнём гаснути не дадут.

42

Горе красиком, щепетком, кудрявчиком и чупринком,
Стави ногом, верти пядком, поколенным кафтанчиком,
Кудерки их и чупрунки станут с болем колтунами,
Пламень от них смрад великий, згорѣют з ними и сами.

43

Горе скупым, денег своих затворником, караулом,
Всяких земель поднебесных Еуклеона внуком, сыном,
Морща челом, нос, ус тягнут, егда нищий деньги просит,
Беси от них не отстанут, чим кто грешит, казнь отбосит.

44

Горе ночным нетопырем, за блудом плоти ходящим,
Содомщиком, малакием, блудником розтлевающим,
На огненной вси кровати положат их ростягнувши,
Брюх справляти, ламать кости, к лаве адскей притиснувши.

45

Горе рукам, вездѣ лгнушим, в чужих добрах увязанным,
Татям, волю им дающим, обидами исполненным.
В щоте тати у палача, разне пытки на них в аде,
Не будет им ту удача, штуки их тайне наяве.

46

Горе тельцом воспитаным, толстым брюхом розвязанным,
Цѣлым быком ненаканным, душком пити приученым.
Калом и блевотинами пса адскаго накормятся,
Горящей серы рѣками поневоли напоятся.

л. 357 об.

47

Горе злым изменщиком, бунтовщиком и ссорщиком,
Насильником, обидником и бездушным ябедником.
Егда в зубы попадутся лютым ведьмам преисподним,
В крови их ад погрузится, тошно, горько будет бѣдным.

48

Горе злых вер заводчиком, еретиком, раскольником,
Веры святых отступником, церкви божия смутником,
Како здесь новья веры вщинают, сеют и учат,
Тако их люто без мѣры новыми страстями замучат.

49

Горе идолопоклонником, в немых богов верующим,
Сатанинским угодником, жертвы твари приносящим,
Ту увидят богов дома, которым ся поклоняли,
Ту Иовиша, стрѣлы, громы ожогі скипетром сталя.

50

Гóре всём, не послушавшим заповéдей, богом данých,
Спасéния не искавшим, тóкмо прохлáдов врёмянных,
Уже, уже написано, указ в гегéне тѣ бѣти,
Не на час, вéчно скáзано, в огню негасимом жити.

51

Земля тебé не посóбит, небо не дáст тѣ пóмощи,
Гинь, пропадáй, бог тя судит, в гегéне нéсть грéшным прóщи.
Связáн еси осуждённый, надеждá ты отступила,
Вéчность, вéчность без премéны в гегéне ты затворила.

л. 358

Книга четвертая. Творения Андрея Бялобоцкого

Песнь 4. Вечна блаженных слава

Око не виде и ум не слыша, и на сердце человеку
не възде яже уготова бог любящим его.

I Коринфом, глава 2⁴

1

Вскю́ю ещё уныва́ешь, в сухих кóстех хранили́ще,
Чесó рáди въздыхáешь в темнóм смерти пристáнище.
Гдé ся бóрют, колебáют смерти жízнь в бéдах преме́ннѣ,
А наде́жных з нóг збива́ют на своё щáстие буйнѣ.

2

Не сто́й, глúпче, забави́ся бесéдою со звѣздами.
А мыслию поспѣ́иши к небу с свои́ми нúждами.
К двору́ вéчныя рáдости, свéтлому неизречéнно,
К обитэ́ли щáстливости, всём рáдостям непримѣ́нно.

3

Взгля́ни сé, воззри тый, прáвит Боот в звездéчном намéстѣ.
Полю́кс и брáт Кáстор сто́ит, сéдьм сéстр Плеáд в одном мѣстѣ.
Се Ориóн мéч явля́ет, стрелéц с лúком выступáет,
Звэ́зда звездú настигáет, свéтла доро́га их стаéт.

4

Видь Арктурá на полно́чи, присмотри́ся тóу Диáннѣ,
Пределя́ют дни́ от но́чи, Фóсфор и Еспéр предивнѣ.
Здéсь Еркулэ́с побежда́ет, хитру́ Скорпиá лю́таго.
Волна́ златá тóу яснѣ́ет, взята́ с царства Колхицкаго.

5

л. 358 об.

Душе мо́я, воздвиги́ся, оста́ви землѣ́ нízкости.
Вста́то, скóро вознеси́ся к вышщéй мѣ́ра высóкости.
Вы́шше óблак и аерá, ста́нь в сре́дине крúга неба,
Гдé ся кончѣ́т поя́с мѣ́ра, та́мо спешѣ́ти потрѣ́ба.

⁴ I послание к коринфянам, гл. 2, стих 9.

6

Правда, или прельщаяся уже в гору аз восхожу.
 Горы, города скрываются, едва стен их внизу вижу.
 Храмы, столпы высокие о чем моим не кажутся,
 Прошайте, жильцы земные, вся под мною оставшаяся.

7

О колище рад есмь тебѣ, отчизна моя любимая,
 Держи, мире, дары себѣ, мне та мила украина.
 Кто язык мой словом наставит тебя славить,
 Благо ми в щастии моем, благо в небе вечно житьи.

8

Христа преславный ключаре, прошу, двери отвори ми,
 Апостоле святой Петре, гостя к тебе в небо прийми.
 Поведи мя где желаю, по улицам златом сланных,
 Да в полатах царских стану, без трудов никому даных.

9

Слава богу, отверзают двери на столпах жемчужных.
 В двор кедровой припускают в вечном жилище блаженных.
 Сел прекрасных великости, оком пресмотрить не могу,
 Всюю убо от радости, живет душа моя богу.

10

Оле, чудо великое, чудо несповѣдное,
 Основание златое, в стенах злато избранное,
 Врата, крюки и запоры, замки, злато само суще,
 Златые площади и дворы, переулки, и улице, и гульбище.

11

Ту иапис, сапфир, халкидон, змарагд, сардоник, сардиос,
 Хрисолит, биримос, топазион, иакинф, амефист, хрисопрасос. л. 359
 Что^а в глубине рек индейских родится многоцвѣтного,
 В источниках вод небесных всех морских больше того и лучшаго.

12

На огненных конях солнце, в златом вѣзе луна ездит,
 И с рогами луны лице того места не наследит,
 Агнец божий просвѣщает, сам собою место тое,
 Свет от лица испущает, солнце неба предвѣчное.

13

Мрака тамо не бывало, ниже ночи и темности,
 Светило ся не скрывало, полно от агнца свѣтлости,
 Вѣтры шумов не творили, снегов же, градов и дождей,
 Облаки не испустили вредливых с себе ненастей.

^а Испр ; в ркп. Кто

14

Стóлько солнцов с корéтами с златýми тó увиди́ши.
 Ско́лько князе́й тысяща́ми мно́гими в небе сочтёши.
 Стóлько дворя́н, полководцо́в ца́рствия преблаже́ннаго,
 Ско́лько жильцо́в и пришельцо́в гра́да непобеди́маго.

15

Сла́влю т́я, покланя́юся, благодарю́, величаю́,
 Трои́це свята́я, ра́дуйся, ра́б тво́й, тебе́ поздравля́ю.
 Еди́н бо́же в три́ех персонáх, вéчной престол тво́й че́сть, сла́ва.
 Всéх вселéнных сторо́нах и во мнé тво́я держа́ва.

16

Ра́дуйся и ты́, одесну́ю трои́цы свята́го сидя́ща,
 Жи́знь на́м роди́вша вéчную, ма́ти дево прѣсноу́ща.
 Ты́ бывáешь помощни́ца всем притека́ющим к тебе́, о владычице,
 Помо́щию (и аз) в раю́ вéчным.

17

л. 359 об.

Сто́й тó же херувѣ́мы, на нѣз крѣла опу́скают,
 Купно́ с нѣми серафѣ́ми пѣснь свята́ю воспѣ́вають,
 Свят, свят, господь бог Савао́ф, гла́с се́й небо исполня́ет,
 Свят господь бог на́ш Савао́ф, земля́ небу возглаша́ет.

18

Ошу́ю предте́ча сѣ́дит, яда́я ме́д и акрѣ́ды,
 Ле́гка е́му власенни́ца, ю́же носѣ́л бо́га ра́ди.
 Гла́ву" под ме́ч наклонѣ́нну нечестѣ́ваго тетра́рха
 Пря́мо де́ржит возвы́шену́ над все́го ми́ра мона́рхи.

19

Ту́ же се́дят и отцо́ве, долгодне́вне поживѣ́ши,
 Свѣтѣ́и патриа́рхове, Моисѣ́й проро́к и прот́чие.
 Авра́м, сына́ в же́ртву бо́гу по ука́зу принося́щий,
 Стоѣ́т возле́ егó бо́ку сын, мечá сѣ́ не боя́щий.

20

Пóсле отцо́в ря́дом до́лгим всѣ́к по своѣ́й досто́йности.
 Се́дят на ме́сте высо́ким проро́ки в вéчной ра́дости.
 Давы́д, держа́ лютню́, гра́ет, все́х проро́ков весѣ́лня,
 Верста́тися с нѣм не дерза́ет лю́тня сла́внаго Орфѣ́я.

21

Синклѣ́т ца́ря небесна́го, в крѣ́слах се́дят апосто́лы,
 Пра́вители ми́ра сегó, близже́ Христа ѣ́х престóлы,
 Трубы́ бѣ́ша спасѣ́ннѣя, учѣ́теля́ явилѣ́ся,
 Сла́ва их без сконче́ная, все́х ми́р имѣ́ просвѣ́тилѣ́ся.

" Испр.; в ркп. ошибочно Славу.

22

Что возвѣщу о столицы победоносцовъ Христовыхъ.
 Ликують тѹ мученицы, смеються с убойцовъ своихъ.
 Победы своя знамение держатъ в рукахъ различный зборъ,
 Крестъ, мечъ, лукъ, огонь, камень, вериги, копие, топоръ.

Книга пятая. Сон жизни человека или суета л. 360
 Творения Андрея Белобоцкого на русском диалекте

Неразумиву мужеви тщи и жи суть надежди, и сония
 вперяютъ безумия: якоже емляй ся за стен и гоняй ветры,
 также емляй веру сном, сне на сне сон узрения;
 прямо лицу подобие лица.

Иисус Сирах, глава 44⁵

1

Былъ некогда градъ преславный Троя, Илиомъ реченный.
 Былъ дарданский народъ древный, в мире великоименный.
 Днесь лютей Марча бой, пашню на стенахъ зделали.
 Где была столица Трой, землю хлебомъ^к засѣяли.

2

Тако еже чаемъ вечно быти и в другия пременяетъ.
 Векъ и случай злый вседневно вся в мире семъ превращаетъ.
 К тому концу нешибно всяке вещи поспешаютъ,
 Боря ся междуособно пременно ся побеждаютъ,

3

Вся твари естество намъ сию правду объявляетъ.
 Оттого рыкъ страшный лвамъ множицею припадаетъ.
 Ревутъ медведе, псы лаютъ, кричатъ волы, вращатъ слоны,
 Ржутъ лошади, волки выютъ, вся знаютъ^а жизни премѣны.

4

Что ся родитъ, умираетъ, в мире ничтоже вѣкуетъ.
 Случай и смерть осилаетъ, насъ какъ хощетъ потчиваетъ.
 Яко луны кругъ премѣнный колесомъ по небе ходитъ,
 Тако земли кругъ вселенный колесомъ премѣны бродитъ.

5

л. 360 об.

Ничто в мире вечно живетъ, вся по времени падаютъ.
 Хростъ траву скотъ выдептуетъ, ветры и кедры поваляютъ.
 Безуви городамъ грозитъ, Аракс мосты понуряетъ.
 А на горы громъ ся сrojитъ, разлеш в низу потопляетъ.

6

Сама старость лесы грызетъ, несостарелыми зѹбы,
 Аще долгой векъ что живетъ, крошитъ идельския дѹбы.
 Не руби ихъ топорами, аще хощешь да знищуетъ.
 Века секутся зубами, в себе кончину имѣютъ.

⁵ Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, гл. 34, стихи 1—3 (в ркп. ошибочно 44).

^к Испр.; в ркп. Алебем. ^а Испр.; в ркп. значут.

7

Краткой жизни моток аки нить ся прерываёт.
 Не одному где начаток, тамо и конец бываёт.
 Яко беседу скончивши глаголи ми слово: рекл есмь,
 Тако век свой докончивши рци, человече: пожил есмь.

8

Всяка радость скоро гаснет, аще лестит обманчивъ.
 Тако явне показует иже суётна правдивъ.
 Мгненье ока пребывают любви вечно оскверняще,
 Едва тронешь, улѣтают радости души вредяще.

9

О, сны пугте, снов образы, безделье, привидѣния,
 Чювства покойным заразы, суётния мысления.
 Койми ни есть воробы, костянным в мир входите,
 Или роговыми псоты лобжь обману приносите.

10

В древнем веце мир ся славил седмикратными чюдами,
 Иже стѣн рукою схватил, не почтет того с баснями.
 Всю роцъ и стѣны славишь, Семирадимо камене,
 Всю солнца столп возносишь, Роде, труды в том даремнѣ.

11

л. 361

Пирамида в Мемфим была, удивление хитрости,
 Яже на мило творила стѣн от своей высокости.
 Днесь з землею зравнялася стѣн намале престраняет.
 Мѣстем з грибем зверсталася, време вещи пременяет.

12

Храм Дианны славный велик, создан тысяще руками.
 Един бездельный висельник сожегл с своими воинами.
 Худым делом имя свое думал вечно прославити.
 Херост... (постой, перо мое,) нелеп его поминати.

13

Столпы медны еже набил в море Еркулес по Гады,
 Нептун веслом все заgrabил, потопили чюда воды.
 Мавсолея мраморовий гроб где ныне пребывает,
 И каменным век гробом намале спускает.

14

Идол дивный во сне явлен Новухудоносорови.
 Яко в росте есть убавлен, явственно есть разумови.
 Медь, железо, серебро, злато камень, с неба падши, скрошил.
 Осталася глина, благо, и то век давно разбросил.

15

Злату главу идолови меч сирейской прочь отрубил.
 В серебряне перси балванови грек копие остро забил.

Брѹх набѣтѣй мѣди толстой грѣку рѣмляни вычѣстѣл,
Стѣл нѣ ноги вѣк желѣзной, злѣто, сребрѣо и мѣдь стрѣвил.

16

Смѣтри, какѣв сѣм Рѣм в лицѣ прѣтив дрѣвнии честнѣсти.
Посмѣтрѣт сѣ в Тѣбре рѣще, постыдѣтсѣ прѣмѣнности.
Чѣло желто, блѣдо лицѣ, румѣнца на нѣм не видѣть.
Пѣли столпѣ по улѣще, и стѣнѣх кѣвров не спрѣшѣть.

17

Вѣ дни отца Рѣмулюса нѣжно дѣтѣ сѣ казѣло,
Говѣрѣть за Ерѣнуса, за Камѣлля ростѣ стѣло.
Дѣвѣца Аннибѣлови, замѣжна сѣ показѣла,
Едѣвѣ не дѣна грѣкови, по отцу осирѣтѣла.

л. 361 об.

18

Но на свѣдѣбу Африкѣна грѣчѣна не извѣлила.
Крѣме землѣка лѣтѣна, женѣха не припустѣла.
Подѣвши бѣй велѣк емѣ с обнажѣнными грудѣями,
Оперлѣсѣ насѣльному, слѣвна егѣ полонѣми.

19

Тогдѣ Братѣусь* с Катѣонами Рѣму бѣли прѣвѣтеле,
Владѣющѣ нарѣдами, стѣтов рѣмских рѣчитѣле.
А Цѣщѣрон сѣдѣ домѣ по приказѣх совѣтѣвал,
Не мѣчем, нижѣ рукѣма, язѣком сѣльно воевал.

20

Скѣро Акцѣ и Ромѣли снурѣк жѣзни розервѣлсѣ.
Рѣм слугѣ егѣ смутѣли, господѣн рѣб сотворѣлсѣ.
Всѣк Рѣмовѣ отчѣм бѣити однокѣнѣчно желѣет,
Прѣв и непрѣв покѣрѣти господѣство сѣбѣ дерзѣет.

21

От двѣ сторѣн брѣнь востѣет междоусѣбна грѣжданѣв,
Сусѣд сусѣда ганѣет, воѣнских мнѣго прибѣров,
Под рѣвными знѣменѣми трубѣ к бѣю голѣс даѣют,
Бѣютсѣ полкѣ с полкѣми, копѣем сѣ сокрушѣют.

22

Идѣт встрѣчу зѣть свѣкрѣви, мѣчем сѣ прѣведѣвѣют,
За непрѣвду умрѣть гѣтѣви, но виннѣйшѣй побѣждѣет.
Тѣко егдѣ мѣра чѣсти чѣсть мѣлѣую прѣделѣют,
Длѣ их гѣрдѣй упрѣмости полѣя в крѣви восплѣвѣют.

23

В том врѣмени обмирѣет Рѣм, тоскуѣт, стрѣсть сѣ бѣит,
Едѣвѣ в печѣли зѣвѣет, на ногѣх своих не стѣит,
Состѣвы емѣ ослабѣли, крѣвь сѣ в жѣлах помутѣла,
Очи, руцѣ почѣрнѣли, смѣрть сѣ к нѣму приблѣжила.

л. 362

* Так в ркп.; следует Брутус.

24

В ко́нец трѣжды отчихает, яко скѣрбный мокрѣтою,
 Ох, ох, с плачем призывает, Аугусте, буди со мною.
 Здравствуй, живи, царю сла́вный, вручаю ти мир и себе,
 Те́м в ад выплюнь дух военный, ложно становится в небѣ.

25

Оскверни́л ся мертвеца́ми, могильни́к, Ри́м наречѣнный.
 Отчим Не́ро пожара́ми сожегъ он немилосѣрдный.
 Третья́ часть не оста́ла, с ды́мем пошла́ но́ва Троя́,
 Похороны зле́ приняла, не от царя, но злодѣ́я.

26

Како́в днесь Ри́м, ка́к здешевѣл, ка́ко ра́зни от она́го,
 Что́ Волску землю́ звоева́л, зби́л си́лу царствия греческаго.
 Нуманчи́ком зломал ро́ги, картаги́нчики победѣл,
 Ре́це Рену́ спутал но́ги, розле́в Дуна́я усмири́л.

27

Та́ко стра́шне ри́млян си́лы, всем наро́дом ищезѣша.
 Егда́ вну́ки разорѣли, что́ отцове припасѣша.
 Ма́ло бы́ло деди́цови все́го ми́ра да́ни, збо́ры.
 Что́ оста́ло Не́ронови, Аля́рик взя́л в гото́в двѣры.

28

Наслѣдники днесь ри́мляне и́щут дрѣвния́ честнѣсти.
 Врата́ твои́, о Троя́не, подгри́зли зу́бы ста́рости.
 Падѣ́ столп седмилесни́чный, Се́вера милостѣваго.
 И двѣр Люку́ллы сто́личный, не зна́ть валу́ Титова́го.

29

л. 362 об.

Уже́ столы́ не потѣ́ют бальсамѣ́м царя Не́рона,
 Царѣ́й теплицѣ́ грязне́ют, вода́ с ка́лом помешана́.
 В твои́х ба́нях, " Антони́не, гусятá ся поло́скают.
 В твоѣ́й, Тибу́р, равни́не ко́зы ду́шных тра́в ню́хают.

30

Пока́зы дивовиск зезды́ ° стро́и, зла́та бросáния.
 Борѣ́ния льво́в с медвѣ́ди, разли́чныя игра́ния,
 Потѣ́шние комѣ́дие с творца́ми и зрѣ́телями,
 Ве́к премѣ́нил в трагѣ́дие, вся́ днесь лежа́т под нога́ми.

° Испр.; в ркп. баснех. ° Так в ркп.